

*Александр Михилев
г. Харьков, Украина*

РОССИЯ И РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А.С. ПУШКИНА

В знаменитой и с детства всем знакомой поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», полной сказочных чудес (растущий у лукоморья дуб с золотой цепью; ученый кот, поющий песни и рассказывающий сказки под тем дубом; неприкаянный леший; русалка на ветвях; избушка на курьих ножках; выходящие по утрам из моря тридцать прекрасных витязей; колдун, несущий в облаках богатыря; томящаяся в темнице царевна, которой верно служит бурый волк; Баба-Яга в бредущей сама собой ступе и, наконец, чахнувший над золотом Кощей), есть замечательная строка: «Там русский дух, там Русью пахнет!» [4, с. 654]. Брошенная как бы вскользь в пору беззаботной юности (поэма была начата 1817 и закончена в 1820 году, то есть когда поэту исполнилось чуть больше двадцати лет), строка эта с гениальной силой простоты, естественности и выразительности запечатлела одну из самых характерных черт всей пушкинской поэзии – её глубоко национальный русский характер.

На первый взгляд, замечание о русском духе и Руси в контексте перечисления русских сказочных образов как бы не имеет прямого отношения к оценке Пушкиным своего творчества и меры русского духа в нем. Но тем не менее оно весьма знаменательно, ибо органически вытекает из всего строя именно русской сказочной реальности, столь поэтически воспроизведенной поэтом в её красочности и полноте. Так что Пушкин имел все основания сказать о волшебном полотне, созданным его могучим воображением: «Там русский дух... там Русью пахнет».

В то же время нельзя не отметить, что замечание это отнюдь не случайно, оно вовсе не результат поэтической прихоти или каприза, но скорее плод глубоких раздумий поэта о характере и особенностях своего творчества. На эту мысль нас наталкивает относящееся к тому же периоду небольшое стихотворение «К Н.Я. Плюсковой» (1818). Н.Я. Плюскова – фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, к правлению которой Пушкин относился благосклонно, считаю, что она воплощала на троне «добродетель с её приветною красой» [6, с. 192]. Говоря о себе как о певце красоты, любви и свободы, поэт гордится тем, что он «не рожден царей забавить» [5, с. 192].

Завершает же он это стихотворение – своего рода первый свой поэтический манифест красноречивым заявлением:

Любовь и тайная свобода,
 Внушали сердцу гимн простой,
 И неподкупный голос мой
 Был эхо русского народа. [5, с. 192].

Осознание своей поэзии как выражения «русского духа», как «эха русского народа», сформировавшееся у Пушкина уже на раннем этапе его творчества, не было пустой декларацией. Это было осознание своего предназначения, осознание природы своего вдохновения и присущая подлинным гениям прозорливость, которая не обманула поэта. Россия, русский человек во всей своей полноте и многообразии своей национальной самобытности, метафорически обозначенные Пушкиным как «русский дух», придают его поэзии то особое очарование, ту глубину и многомерность и в то же время притягательную ясность, которые делают ее общенародной на все времена. Не бахвальство и не похвальба, но спокойная уверенность гения пронизывает строки его «Памятника», написанного за год до смерти:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
 И назовет меня всяк сущий в ней язык...

 И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал,
 Что в мой жестокий век восславил я Свободу
 И милость к падшим призывал [5, с. 586].

На национальный характер пушкинского гения обратил внимание уже Н.В. Гоголь, который в статье «Несколько слов о Пушкине» (1832) писал: «При имени Пушкина осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным: это право решительно принадлежит ему. ... Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» [1, с. 58].

Пушкин для Гоголя не только величайший русский национальный поэт, но он сам являет собой высший образец русского человека в его развитии, то есть своего рода идеальную проекцию русского человека, которая, возможно, осуществиться через двести лет.

Сходную мысль о Пушкине как о высшем проявлении русского человека – «первом русском человеке» спустя почти полвека высказал и Достоевский. В статье «Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле» (1880). Достоевский, говоря о байронизме как о «моментальном, но великом, святом и необходимом явлении в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни всего человечества», который «появился в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния» [2, с. 113] от крушения новых идеалов, провозглашенных французской революцией, отмечает, что он нашел естественный отклик в России и, конечно же, у Пушкина.

Но великий поэт, согласно Достоевскому, отдав дань байронизму – «тому могучему крику в котором соединились и согласились все крики и стоны человечества» [2, с. 114] пошел дальше Байрона.

«Величие Пушкина как руководящего гения, – пишет далее Достоевский, – состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти всем не понимавшими его людьми, нашел твердую дорогу, нашел великий и вожделенный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход был – народность, преклонение перед правдой народа русского. ... Пушкин был не только русский человек, но и первым русским человеком. Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским. Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто. Не говорю уже о том, что он, всечеловечностью гения своего и способностью откликаться на все многоразличные духовные стороны европейского человечества и почти перевоплощаться в гении чужих народов и национальностей, засвидетельствовал о всечеловечности и всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил и о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримирающего и все возрождающего в нем начала» [2, с. 114].

Здесь же Достоевский отмечает еще одну редкостную черту пушкинского гения – способность полюбить свой народ, разглядеть «великую суть его духа» и «принять эту суть народную в свою душу как свой идеал» [2, с. 115].

Близкую к Достоевскому точку зрения о том, что именно в русском народе, в его истории и в его морали Пушкин обрел всенародное признание выразил и выдающийся православный богослов, церковный писатель и

педагог епископ Антоний в «Слове перед панихидой о Пушкине, сказанном в Казанском университете 26 мая 1899 года» по случаю столетней годовщины со дня рождения поэта. Назвав его «нашим народным поэтом», исключительное свойство поэзии которого «заставляет сердце наше расширяться, сладостно трепетать и возрождать в нашей памяти все доброе, все возвышенное, когда-либо пережитое нами» [3, с. 1], он объясняет художественно-эстетическое и высоконравственное воздействие Пушкина на читателей всех возрастов и сословий его литературным гением, познавшим и принявшим нравственные устои русского народа. «Пушкин, – утверждает он, – действительно находил нравственную опору против ложных устоев общественной жизни в русском народе и в русском историческом прошлом... Пушкин был народник, но прежде всего он был моралист и народником он сделался потому, что был моралистом» [3, с. 3].

Как видим все три оценки пушкинского гения, сделанные с различной временной дистанции и с различных сословно-мировоззренческих позиций, сходятся в одном: Пушкин – величайший национальный поэт воплотивший как в своем творчестве так и в самом себе дух России и русского человека. Этот дух сказывается не только в стихах, в которых в той или иной мере говорится о России или о русском человеке, но он разлит, по выражению Достоевского, по всей его поэзии.

В силу обширности заявленной темы, в данной статье ограничимся рассмотрением лишь отдельных поэтических произведений в которых непосредственно затрагиваются мотивы России и русских людей. Знаменательно, что уже в самых ранних стихах, начиная с 1914 года, Пушкин неоднократно обращается к использованию лексики, свидетельствующей о гордости поэта за свое отечество и его людей: росс, россияне, русский, Россия, русские поля.

В стихотворении «К другу стихотворцу» (1814) он, например, пишет о том, что «Дмитриев, Державин, Ломоносов

Певцы бессмертные, и честь и слава россов,
 Питают здравый ум и вместе учат нас,
 Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!» [5, с. 18].

Российским Парни (один из любимых Пушкиным французских поэтов. – А.М.) называет он своего современника Батюшкова, который характеризуется им как

«философ резвый и пиит,

Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонит»

и который,

«постигнутый судьбою,
Как росс, питомцев славы пал!»

(«К Батюшкову», 1814), [5, с. 48, 49].

В написанном в том же году стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» Пушкин, славя Царскосельский лицей – «Минервы русской храм» [4, с. 52], слагает восторженную оду деяниям великих царей: Петру I, царствование которого ознаменовалось исторической победой над шведами («Орел России мощной» [5, с. 52]); Екатерине II, когда сразил льва

«под скипетром великие жены
Венчалась славою великая Россия,
Цветя под кровом тишины!» [5, с. 52],

когда её сподвижники и полководцы, своими деяниями создавали славу России:

Бессмертны вы вовек, о русски исполины,
В боях воспитаны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
пройдет молва из рода в род.
О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигом, страшась дивился мир [5, с. 53].

Для юного Пушкина история родной страны предстает как история славных побед русского духа и русского оружия, но одновременно и как история повторяющихся противостояний чужеземным притязаниям – «и вскоре новый век узрел и брани новые, и ужасы военны... и быстрым понеслись потоком враги на русские поля» [5, с. 53]. Однако навстречу иноплеменной рати, которой, казалось, нет преград, «России двинулись сыны... Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья за Русь, за святость алтаря» – и вот уже «в Париже росс!», и этот росс, вместо мщенья за свою

разоренную страну, за сожженную Москву – «мать градов России», «с улыбкой примиренья грядет с оливою златой» [5, с. 54, 55].

Уже здесь русский человек представлен не только богатырем и отважным воином, готовым пожертвовать собой ради спасения родины, но и великодушным победителем, лишенным злобного и мстительного чувства по отношению к поверженному врагу. Тема великодушия по отношению к побежденным становится лейтмотивом пушкинской поэзии. К ней он возвращается в стихотворении «Бородинская годовщина» (1831). Напоминая народам воинственной Европы, для которых «хмельна... славянов кровь», но которые «забыли русский штык и снег, погребший славу их в пустыне» [6, с. 501], поэт предупреждает их о тяжком похмелье, если вновь им захочется испытать мощь русского «колосса». И здесь же, возвращаясь к усмирению Польши, Пушкин, как само собой разумеющееся для русского человека, роняет:

«В боренье павший невредим;
врагов мы в прахе не топтали.
Мы не сождем Варшавы их;
Они народной Немезиды
не узрят гневного лица
и не услышат песнь обиды
От лиры русского певца» [6, с. 501].

Эту черту русского человека – великодушие и готовность прощать обиды – Пушкин подчеркнет и в характере одного из своих самых любимых героев – Петре I. Так, в поэме «Полтава» (1828–1829), рисуя эпизод царского пира после одержанной над шведами победы, поэт упоминает многозначительную деталь – милостивое отношение Петра к пленникам:

«В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
и славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает» [5, с. 260].

Для Пушкина способность ласкать пленников и поднимать «заздравный кубок» за недавних своих врагов как за «учителей своих» – свидетельство душевной широты и щедрости героя – высшего представителя своего

народа. Это свойство столь близко Пушкину, что он посвятил ему целое стихотворение «Пир Петра Великого» (1836), в центре которого необычный, но столь ценный поэтом поступок Петра Великого – прощение царем своего провинившегося подданного. Неординарность этого поступка усиливается пышным пиром, который Петр задает не в честь очередной победы «русского штыка иль флага», не в честь полтавской годовщины и даже не в честь рождения наследника:

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватого вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом [5, с. 146].

Русский человек, будь то «вещий Олег»; «великия жена» Екатерина; «росски исполины» екатерининских времен (Орлов, Румянцев, Суворов); «идол северных дружин, маститый страж страны державной, смиритель всех ее врагов» Кутузов – последний «из стаи славной екатерининских орлов» [5, с. 498]; герой Полтавы, прорубивший для России окно в Европу Петр Великий, – Пушкин изображает прежде всего как строителя и собирателя русских земель, воина и защитника интересов России. Величие осуществляемых ими дел придает величие и масштабность их характерам и поступкам. Таков «вещий Олег», легендарный русский князь, чей «щит на вратах Цареграда» и которому покорны «и волны и суша» [5, с. 273], такова Екатерина II – «Минерва русская», «великия жена», под скипетром которой «венчалась славою счастливая Россия, цветя под кровом тишины» [5, с. 52]. И таков, наконец, Петр Великий, идеальный образ которого как пример для подражания новым русским царям Пушкин запечатлел в «Стансах» (1826):

Самодержавной рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,

Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник [5, с. 386–387].

Но для Пушкина русский человек – это не только герои – полководцы и великие цари, радеющие за Россию, пусть и идеализированные в какой-то мере, в чем в очередной раз сказалась удивительная способность пушкинского гения оценивать события и выдающихся деятелей в исторической перспективе. Русский человек для него – это и безымянные «россы», которые в 1812 году «пред врагом твердыней грозной стали» (стихотворение «Александрю», 1815) [5, с. 97]. Пушкин восторженно называет их «сыны Бородина, о кульмские герои» [5, с. 97], он восхищается их боевой отвагой, бесстрашием и готовностью отдать свои жизни во имя спасения России от французского нашествия и, ощущая духовное родство со всеми своими соотечественниками, ставшими под боевые знамена, горько переживает, что возраст не позволил ему, «сжимая меч младенческой рукою» [5, с. 97], пасть на поле боя.

Русский человек для Пушкина – это и его лицейские друзья А.А. Дельвиг, А.М. Горчаков, Н.А. Корсаков, В.К. Кюхельбекер, И.В. Малиновский, М.А. Яковлев, составляющие цвет и славу современной ему России; это поэты В.Л. Жуковский, П.А. Вяземский, Гусар-поэт Денис Давыдов; генерал А.Ф. Орлов, который, по выражению Пушкина, «сочетал с душою пылкой, откровенной (хотя и русский генерал) любезность, разум просвещенный» [5, с. 199] и, конечно же, Чаадаев, выразительную характеристику которому поэт дал в четырехстишии «К портрету Чаадаева»:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес,
А здесь он – офицер гусарский [5, с. 234].

Таким образом, для Пушкина русский человек – это личность, сочетавшая в себе как дух «воинственных славян» [5, с. 98], так и высокие нравственные и душевные качества – патриотизм, самопожертвование, великодушные, жизнелюбие и жизнерадостность, а также любовь к свободе и готовность пожертвовать ради нее своей жизнью (декабристы и Чаадаев, который «в Риме был бы Брут») и широту государственного мышления (Петр Великий и

«птенцы гнезда Петрова –

В пременах жребия земного,
 В трудах державства и войны,
 Его товарищи, сыны:
 И Шереметьев благородный,
 И Брюс, и Боур, и Репнин,
 И, счастья баловень безродный,
 Полудержавный властелин» [6, с. 257];

Екатерина II – «росская Минерва» и ее славная когорта вовек бессмертных «росских исполинов»; Чаадаев, который в Афинах был бы Периклом).

Конечно же, русский человек это и пленительный образ Татьяны Лариной, представленный поэтом как абсолютно «русская душой», и няня поэта Арина Родионовна, и яркая плеяда русских женщин, красоту и ум которых он прославил. И, наконец, это сам Пушкин, величайший русский человек, который по слову Гоголя, может быть, явится в своем развитии через двести лет; первый, по Достоевскому, русский человек, и, по точному определению академика Д.С. Лихачева, «гений, сумевший создать идеал нации» [5, с. 18].

Идеал нации – это та полнота выражения «русского духа», прозорливостью пушкинского гения освобожденного от всего мелочного, несущественного, исторически преходящего и представленного в художественно совершенных формах, в высших проявлениях своих сущностных человеческих качеств. «Гений возвышения» [5, с. 18] и гений прозрения, Пушкин, как никто другой, сумел создать универсальный, незабываемый и вечный поэтический канон русского духа, России и русского человека.

Список литературы: 1. Гоголь Н.В. Собр. соч. В 8 т. – Т. 7. / Н.В. Гоголь. – М.: Правда, 1984. – С. 58–64. 2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. – Т. 26: Дневник писателя 1877. Сентябрь – декабрь; 1880. Август. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1984. – С. 111–126. 3. Епископ Антоний (Храповицкий). Слово перед панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 / Епископ Антоний. – Интернетресурс: Информ. – аналит. портал Саратовской епархии Русской православной Церкви / Александр Сергеевич Пушкин: путь к православию. – 5 с. 4. Лихачев Д. Предисловие / Дмитрий Лихачев // Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. «Евгений Онегин». Драматические произведения. Проза. – М.: Эксмо, 2010. – С. 18–20. 5. Пушкин А.С. Сочинения в 3 т. – Т. 1 / А.С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1985. 6. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. «Евгений Онегин».

Драматические произведения. Проза / А.С. Пушкин. – [Вступ. ст. Д.С. Лихачева]. – М.: Эксмо, 2010. – 960 с. і ил. – (Библиотека Всемирной литературы).